

Единство и разнообразие процессов формирования идентичности личности*

В.А. Емелин, Е.И. Рассказова, А.Ш. Тхостов

Работа обобщает эмпирические исследования, выполненные в рамках исследований феномена идентичности. Предполагается, что основой идентичности как переживания соотносительности объекта и “Я” выступает самоидентичность, задаваемая субъективной контролируемостью. Основания, реалистичность этой контролируемости, мера активности субъекта и роль когнитивных и аффективных факторов в формировании идентичности задают различные варианты процессов идентификации (нормативная, слитная, contagiозная, скрытая идентификация и др.). Показано, что формирование идентичности может определяться разными стремлениями, роль которых особенно важна для конкретных идентификаций в юношеском возрасте. В зрелом возрасте именно решение “задач” идентификации, а не стремление к ним, тесно связано с субъективным счастьем. Сравнение нормативной и слитной идентификации на примерах идентификации с семьей и страной указывает на структурные и функциональные различия между ними, что свидетельствует в пользу гипотезы о двух разных процессах формирования идентичности. Описание скрытой идентификации также указывает на её обособленный характер, независимость от явных идентификаций при связи с психологическим неблагополучием и дефицитом саморегуляции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: телесное Я, идентичность личности, психология телесности, скрытая идентификация, нормативная идентификация, слияние идентичности, самоидентичность.

ТХОСТОВ Александр Шамилевич — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ

ЕМЕЛИН Вадим Анатольевич — кандидат философских наук, доцент кафедры методологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

<http://istina.msu.ru/profile/emelin/>

РАССКАЗОВА Елена Игоревна — кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

http://istina.msu.ru/profile/l_rasskazova

<http://www.psy.msu.ru/people/rasskazova.html>

tkhostov@gmail.com

<http://istina.msu.ru/profile/Tkhostov/>

<http://www.psy.msu.ru/people/thostov.html>

Статья поступила в редакцию 13 июня 2017 г.

Цитирование: *Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Единство и разнообразие процессов формирования идентичности личности // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 26–37*

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 17-06-00849 “Мотивационные и когнитивно-аффективные факторы формирования идентичности”. Paper is supported by Russian Foundation for Basic Research, project 17-06-00849 “Motivational and cognitive-affective factors of identity formation”.

© Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. 2018 г.

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я Бог!

Г.Р. Державин

Вопросы обретения и утраты идентичности личности относятся к числу ключевых не только в психологии (см., напр.: [Джемс 1991; Schwartz, Luycx, Vignoles 2011; Эрик-сон 1996; Marcia 2002; Андреева 2011; Hogg, Reid 2006; Соколова 2015]), но и в философии, социологии [Stryker 2007], биоэтике [DeGrazia 2005; Elliott 2011]. От традиционных проблем определения структуры и принципов организации идентичности личности исследовательский интерес смещается к динамике и разнообразию форм и механизмов идентификации, в том числе в условиях транзитивности [Аянян... 2016], изменчивости [Белинская 2015], учету роли неосознаваемых процессов и переживаний [Марцинковская 2009], новых инструментов, возможностей и моделей идентификации в условиях информационного общества [Аянян, Марцинковская 2016; Емелин... 2012; Войскунский... 2013] и пр. В результате в настоящее время уже можно говорить о существовании множества форм идентичности, развивающихся по различным механизмам, но подобное утверждение заостряет проблему классификации процессов идентификации, поиска их оснований, определения специфики, выделения универсальных звеньев этого процесса. На первый план выходит проблема переосмысления понятия “идентичности”: как ее следует понимать, если оказывается, что это отнюдь не стабильный и однородный философский и психологический феномен? Это нечто вроде зонтичного термина, или внутри разнообразия существует некоторый универсальный принцип? Целью данной работы является обобщение серии исследований в рамках подхода психологии телесности к идентичности, направленных на поиск единых оснований и дифференциацию различных процессов её формирования.

Полифония проблемной области: единство и разнообразие теорий идентичности

Существует множество различных, а зачастую и конкурирующих, точек зрения на идентичность, самоидентичность, самоверификацию или самоидентичность — понятия, которые оказываются одними из самых важных и при этом неясных и парадоксальных. При этом об идентичности говорят как о самоочевидном феномене, но на деле с ним не все так просто. Максимально обобщенно под идентичностью понимается феноменологическое ощущение себя как некоего единства, тождественности самому себе в культурно-историческом хронотопе, проистекающего из того или иного специфического источника — принадлежности некоторой общности, этносу, культуре, природе, полу или поколению, переживаний потребностей организма, из структуры витальных влечений, рациональных целеполаганий и когнитивных способностей, верований и пр.

При всем разнообразии концепций идентичности в них отмечаются общие звенья. Во-первых, во всех случаях идентичность определяется через те знания, представления и/или чувства, которые задают переживание самоидентичности и о которых человек может сказать: “Это я, это мое”. В возрастной психологии уточняется, что эти представления и переживания задают стабильность картины мира и восприятия себя во времени [Эрик-сон 1996; Marcia 2002; Schwartz... 2009; Luycx... 2006; Luycx... 2007]. В социальной психологии это определение затрагивает групповые или межличностные процессы, но в целом ориентируется на те же закономерности [Hogg... 1995; Swann... 2009; Abrams, Hogg 2004]. При этом идентичность имеет структуру, включающую различные объекты (роли, прототипы в социальной психологии, сферы в психологии развития). У одного

и того же человека идентичность в отношении разных объектов может характеризоваться разными степенями сформированности, а также занимать разные места в иерархической организации идентичности (обладать значимостью). Во-вторых, как в социальной психологии, так и в психологии развития важнейшая роль в формировании идентичности отводится реципрокному взаимодействию человека и мира. В концепции Э. Эриксона синтез идентичности совершается во взаимодействии с другими людьми, что необходимо для формирования разделенной с другими людьми картины мира и обеспечивает возможность стабильных межличностных отношений. В социологической теории идентичности [Stryker 2007] принцип реципрокного взаимодействия человека и социума постулируется эксплицитно, тогда как в теории социальной идентичности и самокатегоризации он предполагается: структура идентичности соответствует структуре социальных групп, определяется на их основе, а идентичность в дальнейшем сказывается на групповом поведении.

С нашей точки зрения, ключевые *различия* понимания идентичности касаются представлений о ее составе (по отношению к каким объектам может происходить самоидентификация), организации (какие принципы иерархического устройства имеют решающее значение) и процессе формирования идентичности (каковы “пусковые” механизмы и “движущие” силы этого процесса, как он происходит).

Состав идентичности. Традиционная трактовка, восходящая к классическим представлениям У. Джеймса, предполагает максимально широкий круг объектов, которые могут включаться в состав идентичности, — те, которые человек воспринимает как “Я” и “свое”. Сюда могут относиться даже физические объекты и социальные отношения. Например, покупки могут восприниматься людьми как более или менее соответствующие их идентичности [Carter, Gilovich 2012]. Люди считают, что информация о некоторых покупках позволит им больше узнать о человеке, и наоборот, другим людям узнать о том, какие они люди. Однако в большинстве случаев круг объектов сужается в соответствии с предметной областью той или иной дисциплины. В социальной психологии, говоря о социальной идентичности, ограничиваются социальными объектами (роли, групповые прототипы). Хотя в концепции Э. Эриксона идентичность рассматривается обобщенно в рамках континуума диффузии — синтеза, при дальнейшей ее операционализации в психологии развития вопрос о том, по отношению к чему рассматривается идентичность, решался при помощи выделения сфер идентичности (идеологических и межличностных [Schwartz... 2009; Luysckx... 2006; Luysckx... 2007]). В этом случае речь идет не только о социальных объектах, но и об идентичности в отношении представлений, ценностей, духовных объектов. В психологии личности в состав идентичности включаются личностные черты, а в социологическом подходе — такие атрибуты, как пол, возраст и т.п. [Stryker 2007].

Организация идентичности. В различных областях психологии по-разному решается вопрос о ключевых принципах организации и структуры идентичности. В социальной психологии акцент делается на том, как соотносятся *различные* идентификации у человека: выделяются параметры значимости идентичности, центральности и пр. В теории социальной идентичности основой структуры выступают соответствие прототипу и соответствие реальному поведению, тогда как в социологической теории идентичности — субъективная важность и частота проявления в поведении. Для психологии развития на первый план выступает не соотношение разных идентификаций, а качественный характер структуры идентичности (диффузия — синтез) и процессы, определяющие синтез идентичности (выбор, поиск и т.п.) и задающие статус идентичности. В модели Дж. Марсия статусы рассматриваются как относительно фиксированные [Marcia 2002], а в трехфакторной процессуальной модели [Luysckx... 2006; Luysckx... 2007] — как динамичные. Нерешенным при этом остается вопрос о том, как соотносятся идентификации в разных сферах. Возможно ли в принципе, что в одной сфере идентичность синтезирована, в другой — диффузна, и что тогда это означает в перспективе развития человека [Lynch 2014] и социализации в разных культурах [Suh 2002]?

Формирование идентичности. В соответствии с разными концепциями предполагаются различные источники формирования идентичности. В теории самокатегоризации

[Hogg... 1995] источником является “своя” группа, в рамках которой формируется разделяемый членами группы прототип. Немаловажна и “чужая” группа, определяющая критерии для сопоставления. Механизмами идентификации являются категоризация (основанная на самоулучшении) и самокатегоризация (которая сопровождается деперсонализацией). В теории самоверификации [Swann... 2009] указан альтернативный путь — слияния идентичности, медиаторами которого являются переживание собственной неуязвимости (поскольку такие люди ожидают, что и другие сделают для них то же, что и они) и силы (связи с другими людьми и взаимность отношений). Основными слияния идентичности выступают процессы самоверификации, однако, механизм слияния не раскрывается. Исследования коллективных действий [van Zomeren, Iyer 2009] позволяют предположить, что и этот расширенный список механизмов не полон, поскольку он не позволяет объяснить социальные движения ради других групп, а также движения, в которых члены других групп не противопоставляются “своей” группе и границы между ними воспринимаются как гибкие. Помимо этого, исследования самостереотипизации [Sinclair... 2006] показывают, что для отнесения стереотипа к себе важно не только и не столько мнение окружающих, сколько мнение близких, хотя механизм этого влияния не уточняется. В психологии развития [Schwartz... 2009] подчеркивается роль собственной активности человека: в частности, ее результатом являются поиск и выбор.

Как можно увидеть, различия представлений о составе, организации и процессе формирования идентичности достаточно велики, что делает актуальным вопрос о том, возможно ли их обобщение в рамках некоторой универсальной модели, учитывающей указанное разнообразие?

Использование модели телесного Я для понимания формирования идентичности

С учетом теоретических положений психологии телесности [Рассказова... 2015] была предпринята попытка согласования концепций идентичности на основе принципов субъективизации/объективизации, присвоения/отчуждения различного психологического содержания, разрабатывавшихся на феноменологии переживания телесного Я.

Ключевая роль в телесной идентификации и формировании/утрате субъективно переживания “собственного” или “чужого” тела принадлежит феномену *управляемости* в рамках активности субъекта. На уровне допроизвольной и бессознательной натуральной регуляции телесные функции не относятся к сфере рефлексивной телесной идентичности: я не знаю, как работает моя печень, кровеносные органы, почки и пр., мне не свойственно феноменологическое переживание их как “своих”, и они являются “моими” чисто формально, на уровне знания. Идентичность же появляется в отношении произвольно регулируемых телесных функций, которые, в принципе, будучи затем освоенными, могут превращаться в постпроизвольные и неосознаваемые. Именно этот случай можно рассматривать как нерефлексивную телесную идентичность, которой человек руководствуется автоматически (я же не задумываюсь над тем, как двигать рукой, когда беру предмет, я его *просто беру*), но которая может быть осознана при нарушении автоматизированного действия (я буду ощущать руку, если она ослабнет или станет непослушной). Кроме того, человеческое тело само способно (хотя и в меньшей степени) в рамках *взаимодействия* стать зондом внешней силы, превращаясь в его часть: Я становится проявлением некоторого Мы или даже объектом чужого влияния. На феноменологическом уровне это проявляется в чувстве слияния, транспозиции самости. Говоря метафорически, формирование *самости* можно рассматривать в континууме, задаваемом парой “обладания” — “принадлежности”, как функцию уровня контроля и управления.

Подобную схему можно распространить на иные варианты идентичности. Тогда в структуру идентичности личности включаются самые разные объекты — социальные группы, личностные черты, телесные ощущения, опыт и даже материальные предметы, поскольку идентичность задается не спецификой самих объектов, а особенностями взаимодействия с ними, “встраивания” во внутренний мир человека. Это вполне согласуется

с представлениями У. Джеймса о различии чистого и эмпирического Эго в виде физической, духовной или социальной личности. У него же можно обнаружить и признаки подобного несовпадения в виде различия в степени свободы, границе контроля: "...например, частное лицо может без зазрения совести покинуть город, зараженный холерой, но священник или доктор нашли бы такой поступок несовместимым с их понятием чести. Честь солдата побуждает его сражаться и умереть при обстоятельствах, когда другой человек имеет право скрыться в безопасном месте или бежать, не налагая на свое социальное Я позорного пятна" [Джеймс 1991, 137]. Заметим, что социальное Я куда менее свободно, чем собственно субъект, его поступки определяются не рациональностью, а более или менее четко предписанным канонам сохранения той или иной формы самоидентификации. Эти идентификации ограничены в волеизъявлении и именно этими ограничениями и созданы. Следствием является предположение, что переживание *самотождественности*, описанное в философии как основа самоидентичности, также задается переживанием разных типов контролируемости и включенности, а *идентичность — это не зафиксированная раз и навсегда конструкция, а скорее "точка сборки" конструкции/ий разной степени устойчивости и проработанности. Точка сборки — это текущая фиксация и идентификация себя в изменяющемся хронотопе*. При этом в случае идентичности личности, в отличие от телесной идентичности, куда большее значение имеет метафора "принадлежности". Если для телесности принадлежность или слияние — относительно маргинальный вариант, то для идентификации личности в социальном контексте они становятся доминирующими.

"Принадлежность" сама по себе неоднородна: здесь можно выделить, как минимум, два варианта. Первый — когда Я феноменологически переживается как "захваченное", включенное в чужеродную силу, скорее объект, инструмент этой силы, с которой идентифицироваться можно только в качестве инструмента: "Я слепое орудие в руках Бога, рока, власти, народа, толпы и пр.". Это тоже идентификация, но идентификация особого типа, остающаяся рефлекслируемой при сохранении хотя бы элементарной собственной активности: Я все же выделяется в потоке, поскольку не является в полном смысле неодушевленным. Второй вариант, основанный на виртуальном контроле или его иллюзии, можно трактовать как слияние обладания и принадлежности. Я в данном случае *не слепое орудие*, а часть некой силы, которой частично доступен сакральный план, Я — *соучастник* высших сил.

Принципиально можно различить и три разных вида контроля: управляемость (события начинаются и происходят по воле человека), контролируемость (ход событий зависит от действий человека) и предсказуемость (человек может предсказать дальнейшее развитие событий). Все три варианта лежат как в основе переживания чего-либо как "это я" (идентичность), так и в основе переживания принадлежности "это мое" (например, вещи, тело и т.п.). Контроль может быть более или менее иллюзорным, а его подтверждение требует разных действий (или бездействия, как в случае "скрытой" идентичности, что мы покажем позже) со стороны субъекта.

Развернутость и особенности взаимодействия когнитивных и аффективных процессов также влияют на степень и характер "переработки" полученного извне опыта при включении его в структуру идентичности. Для иллюстрации разнообразия форм идентичности и единства лежащих в их основе механизмов идентификации можно предложить рабочую классификацию некоторых специфических и относительно автономных типов идентификации:

а) Нормативная идентификация. При нормативной (инструментальной) идентификации человек конструирует себя в соответствии с теми или иными общими характеристиками (прототипом), стараясь сблизиться с группой и заострить различия с другими группами, что приводит к деперсонализации (отказу от личной идентичности в пользу сходства с прототипом [Hogg... 1995]). Это преимущественно первый вариант "принадлежности". О *нормативной* идентификации можно говорить и в том случае, когда вклад собственной активности в формирование идентичности низок, возникает предписанная кем-либо "знаемая" идентичность, соответствующая социальным нормам, ожиданиям и представлениям, но часто плохо рефлекслируемая и не всегда интегрированная

в систему личностных ценностей, переживаний и представлений. Эти варианты идентификации связаны с переживанием иллюзии контроля и предсказуемости, как следствие, понятности и предсказуемости прототипа. Подобный тип идентификации был господствующим как в традиционных обществах, так и в обществе модерна, вплоть до последней четверти XX в., когда принадлежность к сословию, месту проживания, государству, нации, классу, партии, университету являлась решающим фактором для идентификации индивида.

б) Слитная идентификация (профетическая, сектантская идентификация) — вариант, предложенный в рамках теории самоверификации [Swann... 2009], предполагающей, что личная и социальная идентичность не просто согласуются, а рассматриваются человеком как функционально эквивалентные. Характерным отличием слияния от идентификации является готовность к индивидуализированным действиям во имя группы (в том числе экстремистским). При слиянии идентичности переживание контроля трансформируется в иллюзию неуязвимости и всемогущества. Это, скорее, второй вариант “принадлежности”. Примером идентификации путем слияния могут служить различные варианты обретения личностного смысла в группах фундаменталистского толка, в которых индивид обретает гиперреальное чувство собственной значимости в кругу таких же уверенных в совместно разделяемой сверхценной идее, ради которой ее апологеты готовы пожертвовать всем.

в) Контагиозная идентификация. Здесь возможны оба варианта “принадлежности”. Специфика в низком уровне когнитивной проработки. При *эмоциональном заражении* когнитивный анализ редуцирован до самых общих выводов (“хорошее — плохое”, “друг — враг”), человек склонен к импульсивному поведению в соответствии с лозунгами или поведением других людей. Ситуация иллюзорно воспринимается как предсказуемая вследствие эмоционального переживания единства с другими людьми, событиями или объектами. Вариантов идентификации путем заражения идеями, неожиданно ставшими судьбоносными для тех, кто о них еще вчера не думал, можно привести достаточно много. Если обратиться к современности, то примером “вирусной” идентичности станут революции, когда еще недавно “здоровые” в своей обыденности люди начинают терять контроль и становятся зомби в людском потоке, со знанием дела разделяют людей на “своих” и “чужих”.

г) Скрытая идентификация (изолированная, стигматизированная) — процесс, при котором предписанная или выбранная идентичность скрывается от других, часто в связи со стигматизацией или самостигматизацией. Здесь присутствует достаточно обширная, хотя иногда и ложная когнитивная проработка, сочетающаяся с выраженным аффектом (тревога), прототип черпается не из окружающего мира (поскольку человек избегает обратной связи), а ожидания формируются на основе мнения и опасений. Может сочетаться с любым вариантом скрытой “принадлежности”, хотя и не осознаваемой в полной мере. При скрытой идентичности иллюзия контроля и предсказуемости поддерживается за счет сокрытия тайны — пока идентичность остается скрытой, у человека есть ощущение стабильности и контроля. Явных примеров скрытой идентификации настолько много, насколько велико желание ее носителей оставить свой собственнический запятанный мир в тайне. Здесь можно обсуждать различные группы единомышленников в плане удовлетворения сексуальных, садомазохистских, суицидальных и других перверсивных фантазий, которые не могут быть манифестированы в “лакуне” обыденной жизни, зато представляют собой смыслообразующий вектор экзистенции в тщательно скрываемом, но подлинном для индивида мире.

Эмпирическая проверка

Завершенность и развитие идентичности. Теоретические положения о “фантомном” характере идентичности, могущей в зависимости от формы активности и типов контроля быть неоднородной, осознанной, бессознательной, ригидной или динамичной, без эмпирического подтверждения остаются гипотетическими и не являются заведомо

предпочтительными по сравнению с другими конструктами. Наши эмпирические исследования идентичности реализовывались в нескольких направлениях и, прежде всего, были направлены на подтверждение гипотезы об общей *основе* идентичности — переживания самотождественности — и ключевой *роли* в его порождении чувства контроля. Не все аспекты формирования идентичности и оценки ее структуры в равной степени доступны для эмпирической проверки, поэтому результаты имеют частично фрагментарный характер и представлены прежде всего для иллюстрации возможностей эмпирического подтверждения. Первый вариант проверки эмпирической валидности предложенного подхода реализовывался на оценке процесса формирования идентичности как активного взаимодействия человека и мира и должен был дать ответ на вопрос о том, чем руководствуется человек, пытаясь найти свое место в мире и решая вопрос “Кто он?”. Но до этого следует определить, а зачем вообще человеку нужно отвечать на подобный вопрос.

Даже поверхностный исторический экскурс показывает, что в различные эпохи системообразующими в построении идентичности могли выступать разные потребности. К настоящему времени существуют данные, указывающие на доминирование неоднородных потребностей в разных культурах: например, развитие согласованной, непротиворечивой индивидуальной идентичности более важно для представителей западных, в отличие от восточных, культур и сильнее связано с благополучием [Suh 2002]. В философии [DeGrazia 2005, Elliott 2011] обсуждаются разные потребности, направляющие идентификацию: потребность в поиске уникальной идентичности, потребность в улучшении себя, потребность в социальном признании своей идентичности и разделения ее с другими.

В нашем исследовании [Рассказова... 2014; Рассказова... 2016] была предложена и апробирована на двух выборках *шкала ценностей*, направленная на три аспекта, которые могут быть важны для человека: понимание и переживание своей идентичности как чего-то завершенного и целостного, развитие и поиск идентичности, её социальное признание. Для ответа на вопрос “*Каковы функции ценности и достижения разных аспектов идентичности (её завершенность, развитие, социальное признание)?*” конкретные идентификации (выявленные на основе использования методики “Кто Я?”) сопоставлялись с субъективными ощущениями уровня счастья и особенностями совпадающего поведения.

В юности те, кто стремится к лучшему пониманию себя и саморазвитию, больше удовлетворены своими конкретными идентификациями, считают их более важными и чаще о них думают. Если студенты считают, что уже “нашли себя” и развиваются, это способствует их удовлетворенности своими идентификациями, только если “найти себя” и развиваться важно для них. Нужно отметить, что в выборке представителей более взрослых этого эффекта нет: хотя те из них, кто стремится к завершенности и развитию своей идентичности, а также уверенные в своем саморазвитии, оценивают свои идентификации как более важные (но не как более позитивные), эффекты стремлений и уверенности у них независимы. Уверенность в том, что человек “нашел” себя, развивается и признан окружающими, связана с субъективным ощущением счастья, причем связь эта значимо более выражена у взрослых и относительно слаба в юношеском возрасте.

Иными словами, основания формирования человека (то, что ему важно в этом формировании) реально связаны с последующей оценкой своей идентификации, а значит, вероятно, и с тем, как он относится к самоопределению “Я — это...”. Стремясь к завершению и развитию, человек воспринимает конкретные идентификации как важные. Юность, в отличие от зрелости, является сензитивным периодом в определении и достижении этого “важного” для “Я”. Именно в юношеском возрасте стремление к завершению и развитию тесно связано с тем, насколько человеку нравятся результаты его самоопределения, и тем, насколько ему важно то, чего он уже достиг в процессе формирования идентичности.

В зрелом возрасте стремления к завершенности, развитию и социальному признанию своей идентичности отходят на второй план, зато определяющую роль в ощущении

субъективного благополучия начинает играть то, насколько человек “решил задачу” идентификации — достиг каждой из этих целей.

Дифференциация процессов идентификации и слияния идентичности. Второй вариант проверки эмпирической валидности осуществляется на модели различения “нормативной идентификации” и “слияния” и должен был подтвердить или опровергнуть идею об их автономности. Процесс слияния был выделен в теории самоверификации [Swann... 2009] как отличный от нормативной идентификации, в том числе по последствиям для группового поведения. Слияние операционализируется как феномен размытости границ между “Я” и группой (“Я и есть группа”, “Я и группа неразделимы”), проявляющийся в графической методике в пересечении соответствующих кругов.

На примере идентификации с семьей и страной в зрелом и юношеском возрасте [Тхостов, Рассказова 2016; Рассказова... 2016] было показано, что нормативная идентификация и слияние — связанные, но различные варианты, хотя оба в равной мере сопряжены с признаками самотождественности (близостью группы к “Я” и выраженностью негативных переживаний при изменении группы).

Как в выборке студентов, так и в выборке зрелых при склонности к слиянию с семьей респонденты с большей вероятностью располагают “Я” и семью на рисунке так, чтобы их графические представления пересекались. Поскольку в отношении идентификации со страной такой связи нет, эти данные свидетельствуют в пользу разных эффектов слияния и идентификации в восприятии себя и некоторых объектов, т.е. в пользу частичных функциональных различий между слиянием и идентификацией. Статистическое “разделение” идентификации и слияния, выделение стоящих за ними независимых факторов показывает, что они характеризуются независимыми значимыми эффектами в отношении приверженности семье/стране и выбора семьи/страны.

“Скрытая” идентификация в структуре идентичности человека. Третий блок эмпирических исследований касался подтверждения факта существования особой формы идентичности, основанной на специфическом варианте контроля. Скрытие идентичности рассматривается как особый процесс, поскольку не может опираться на те же критерии (обратную связь от группы), что и формирование явной идентификации. Представления об идентичности и ее оценке другими людьми могут быть искажены, а попытки сохранить тайну — усиливать тревогу и уверенность в том, что самораскрытие обернется трагедией. Ожидание негативной реакции со стороны других и сохранение идентичности в тайне действительно связаны с большей ее субъективной важностью, более частыми мыслями о ней и более выраженным стрессом. Более того, по некоторым данным, раскрытие своей скрытой идентичности парадоксально способствует лучшему использованию социальной поддержки и меньшему отчуждению со стороны других.

Сопоставление скрытой идентификации с ее явными формами показывает, что скрытая идентичность — широко распространенный в норме феномен, характерный для половины популяции. Она связана с психологическим неблагополучием, важностью социального признания своей идентичности, оценкой мира как более угрожающего и дефицитом саморегуляции (концентрации и переживаемого смысла), причем эти связи не зависят от оценки человеком своих явных идентификаций. Иными словами, скрытая идентичность стоит “особняком” по сравнению с предъявляемыми самоописаниями. Можно предположить, что формирование скрытой идентификации более вероятно при дефиците саморегуляции, межличностной тревожности, депрессивности и, с одной стороны, субъективной оценке мира как более угрожающего при сохранении важности его принятия, а с другой, возрастанием степени чуждости и текучести окружающей индивида объективной социокультурной реальности.

Заключение. Итак, эмпирические исследования подтверждают ряд предположений подхода психологии телесности к идентичности.

1. Идентичность не является однородным феноменом, однако содержит универсальный компонент, связанный с различными типами субъективного контроля в отношении реперных направлений субъективного переживания “обладания” и “принадлежности”, задающих множественность реальных функциональных идентификационных структур.

2. Эмпирически подтверждено существование специфической мотивации, которая важна для конкретных идентификаций в юношеском возрасте, определяя не только то, насколько они актуальны для человека, но и то, насколько они ему нравятся, и как он относится к достижению желаемого. В зрелом возрасте решение разных “задач” идентификации в целом (понимания себя, развития себя, социального признания) тесно связано с ощущением счастья. Роль стремлений, по всей видимости, отходит “на второй план”.

3. Исследования “нормативной идентификации” и “слияния” указывают на то, что речь идет о разных как структурно, так и функционально процессах, но в равной мере связанных с восприятием себя, отношением к группе и трудностями ее изменения.

4. Исследование “скрытой идентификации” свидетельствует не только в пользу ее распространенности, но и автономности от явных идентификаций, что также указывает на специфические особенности процесса, стоящего за формированием скрытой идентичности.

Возвращаясь к нашему пониманию идентичности личности, сформулируем в заключение наиболее общее и, как нам кажется, эвристичное определение, намечающее точки возможного развития. *Идентичность — это феноменологически переживаемая субъектом тождественность самому себе в культурно-историческом хронотопе, осознано/бессознательно, рефлексивно/интуитивно воспринимаемая им как чувство принадлежности/непринадлежности к общностям и субъектам, основанная на контролируемости/неконтролируемости ситуаций, включенности/невключенности в процессы, предсказуемости/непредсказуемости событий, и приводящая к разделенности/неразделенности отношений, способности/неспособности к договоренности, и, в конечном счете, осмысленности/неосмысленности личного существования в качестве субъекта/объекта деятельности.*

Ссылки (References in Russian)

Андреева 2011 — Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. № 6 (20) // URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6—20/580-andreeva20.html#e3>.

Аянян... 2016 — Аянян А.Н., Голубева А.Н., Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Специфика становления идентичности детей и подростков в ситуации транзитивности // Психологические исследования. 2016. № 9 (50) // URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2016v9n50/1356-ayanyan50.html>.

Аянян, Марцинковская 2016 — Аянян А.Н., Марцинковская Т.Д. Социализация подростков в информационном пространстве // Психологические исследования. 2016. № 9 (46) // URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2016v9n46/1262-ayanyan46.html>

Белинская 2015 — Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. № 8 (40) // URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1120-belinskaya40.html>

Войсункинский... 2013 — Войсункинский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2013. № 1. С. 66—83.

Джемс 1991 — Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 1991.

Емелин... 2012 — Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Технология и идентичность: трансформация процессов идентификации под влиянием технического прогресса // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 9 (17) // URL: <http://sisp.nkras.ru/e-gu/issues/2012/9/emelin.pdf>.

Марцинковская 2009 — Марцинковская Т.Д. Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся мире // Психологические исследования. 2009. № 3 (5) // URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n3—5/177-marsinkovskaya5.html>

Рассказова... 2014 — Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш., Емелин В.А. Идентичность как самотождественность: индивидуальные вариации ценности завершенности, развития

и признания идентичности. Сообщение 1 // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Психология. 2014. № 7 (4). С. 13–18.

Рассказова... 2015 – *Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш., Емелин В.А.* Идентичность как самотождественность: индивидуальные вариации ценности завершенности, развития и признания идентичности. Сообщение 2 // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Психология. 2015. № 8 (1). С. 5–16.

Рассказова... 2016 – *Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш., Емелин В.А.* Слияние и идентификация с социальной группой как различные механизмы формирования идентичности // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 69–79.

Соколова 2015 – *Соколова Е.Т.* Клиническая психология утраты “Я”. М.: Смысл, 2015.

Тхостов, Рассказова 2016 – *Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И.* Идентификация и слияние: варианты соотношения “Я” и группы при формировании социальной идентичности (на примере семьи и страны) // Психология и психотехника. 2016. № 3 (90). С. 233–242.

Эриксон 1996 – *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 2. P. 27–?

The Unity and Diversity of the Processes of Personal Identity Formation

Vadim A. Emelin, Elena I. Rasskazova, Alexander Sh. Tkhostov

Paper summarizes the empirical studies carried out in the framework of psychology of corporeality to identity. It is hypothesized that identity as the feeling of relatedness between objects and “I” is based on self-integrity experience defined by subjective controllability. The grounds, the realism of this controllability, activity of the subject and the role of cognitive and affective factors in the formation of identity define various processes of identification (emotional contagion, normative identification, identity fusion, concealed identity). It is shown that the formation of identity may be determined by different aspirations, whose role is particularly important for specific identifications in youth. In adulthood, it is a resolution of “problems” of identification, rather than striving for them, that is closely related to subjective happiness. Comparison of identification and identity fusion (on the example of the family and the country) reveals structural and functional differences between them, that speaks in favor of the hypothesis of two different processes of identity formation. Research on concealed identity phenomenon also points to its independence from the obvious (simple) identifications as well as its relationship with poorer psychological well-being and self-regulation deficiency.

KEY WORDS: psychology of corporeality, identification, concealed identification, identity fusion, self-integrity.

EMELIN Vadim A. – CSc in Philosophy, senior lecturer, Lomonosov Moscow State University.

<http://istina.msu.ru/profile/emelin/>

RASSKAZOVA Elena I. – CSc in Psychology, Assistant Professor, Department of Clinical Psychology, Lomonosov Moscow State University.

http://istina.msu.ru/profile/l_rasskazova/,

<http://www.psy.msu.ru/people/rasskazova.html>

TKHOSTOV Alexander Sh. – DSc in Psychology, Professor, Head of Department of Clinical Psychology, Lomonosov Moscow State University.

tkhostov@gmail.com

<http://istina.msu.ru/profile/Tkhostov/>,

<http://www.psy.msu.ru/people/thostov.html>

Received at June 13, 2017.

Citation: Emelin, Vadim A., Rasskazova, Elena I., Tkhostov, Alexander Sh. (2018) "The Unity and Diversity of the Processes of Personal Identity Formation", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2018), pp. 26–37

References

- Abrams, Dominic, Hogg, Michael A. (2004) "Meta-theory: Lessons from Social Identity Research", *Personality and Social Psychology Review*, v. 8(2), pp. 98–106.
- Andreeva, Galina M. (2011) "To the Question of Identity Crisis in Social Transformations", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, № 6 (20) (in Russian).
- Ayanyan, Anna N., Golubeva, Natalia A., Martsinkovskaya, Tatiana D., Poleva, Natalia S. (2016) "Specificity of the Identity Formation of Children and Adolescents in the Situation of Transitivity", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, № 9 (50) (in Russian).
- Ayanyan, Anna N., Martsinkovskaya, Tatiana D. (2016) "Socialization of Adolescents in the Information Society", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, № 9(46) (in Russian).
- Belinskaya, Elena P. (2015) "Variability of the Self: Identity Crisis or Crisis of Knowledge about Identity?", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, № 8(40) (in Russian).
- Carter, Travis J., Gilovich, Thomas (2012) "I Am what I Do, not what I Have: the Differential Centrality of Experiential and Material Purchases to the Self", *Journal of Personality and Social Psychology*, v. 102(6), pp. 1304–1307.
- DeGrazia, David (2005) "Enhancement Technologies and Human Identity", *Journal of Medicine and Philosophy*, v. 30(3), pp. 261–283.
- Elliott, Carl (2011) "Enhancement Technologies and the Modern Self", *Journal of Medicine and Philosophy*, v. 36(4), pp. 364–374.
- Emelin, Vadim A., Rasskazova, Elena I., Tkhostov, Alexander Sh. (2012) "Technology and Identity: Transformation of Identification Processes upon Technical Progress", *Sovremennye Issledovaniya Sotsial'nykh Problem (Elektronnyi Nauchnyi Zhurnal)*, № 9 (17) (in Russian).
- Erikson, Erik (1996) *Identity: Youth and Crisis*, W.W. Norton & Company o INC, New York (Russian Translation).
- Hogg, Michael A., Reid, Scott A. (2006) "Social Identity, Self-categorization and the Communication of Group Norms", *Communication Theory*, v. 16, pp. 7–30.
- Hogg, Michael A., Terry, Deborah J., White, Katherine M. (1995) "A Tale of Two Theories: a Critical Comparison of Identity Theory with Social Identity Theory", *Social Psychology Quarterly*, v. 58(4), pp. 255–269.
- James, William (1910) *Psychology*, Henry Holt, New York (Russian translation).
- Luyckx, Koen, Goossens, Luc, Soenens, Bart (2006) "A Developmental Contextual Perspective on Identity Construction in Emerging Adulthood: Change Dynamics in Commitment Formation and Commitment Evaluation", *Developmental Psychology*, v. 42, pp. 366–380.
- Luyckx, Koen, Soenens, Bart, Goossens, Luc, Vansteenkiste, Maarten (2007) "Parenting, Identity Formation and College Adjustment: a Mediation Model with Longitudinal Data", *Identity: An International Journal of Theory and Research*, v. 7(4), pp. 309–330.
- Lynch, Martin F. (2014) "The Self-concept in Relationships", N. Weinstein (Ed.), *Human Motivation and Interpersonal Relationships: Theory, Research and Applications*, Springer, New York, pp. 121–135.
- Marcia, James E. (2002) "Identity and Psychosocial Development in Adulthood", *Identity*, v. 2, pp. 7–28.
- Martsinkovskaya, Tatiana D. (2009) "Experience as a Mechanism of Socialization and Identity Formation in the Modern Changing World", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, № 3(5) (in Russian).
- Rasskazova, Elena I., Tkhostov, Alexander Sh. (2012) "Identity as a Psychological Construct: Opportunities and Limitations of the Interdisciplinary Approach", *Psikhologicheskie Issledovaniya*, № 5 (26) (in Russian).
- Rasskazova, Elena I., Tkhostov, Alexander Sh., Emelin, Vadim A. (2016) "Identity Fusion and Identification with Social Group as Different Mechanisms of Identity Formation", *Voprosy Psikhologii*, № 3, pp. 69–79 (in Russian).
- Rasskazova, Elena I., Tkhostov, Alexander Sh., Emelin, Vadim A. (2014) "Identity as a Self-unity: Individual Variations in the Value of Completeness, Development and Recognition of Identity. Part 1", *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Psikhologiya*, № 7(4), pp. 13–18 (in Russian).

- Rasskazova, Elena I., Tkhostov, Alexander Sh., Emelin, Vadim A. (2015) "Identity as a Self-unity: Individual Variations in the Value of Completeness, Development and Recognition of Identity. Part 2", *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Psikhologiya*, № 8(1), pp. 5–16 (in Russian).
- Schwartz, Seth J., Luyckx, Koen, Vignoles, Vivian L. (Eds.) (2011) *Handbook of Identity Theory and Research*, Springer, New York.
- Schwartz, Seth J., Zamboanga, Byron L., Wang, Wei, Olthuis, Janine V. (2009) "Measuring Identity from Eriksonian Perspective: Two Sides of the Same Coin?", *Journal of Personality Assessment*, v. 91(2), pp. 143–154.
- Sinclair, Stacey, Hardin, Curtis D., Lowery, Brian S. (2006) "Self-stereotyping in the Context of Multiple Social Identities", *Journal of Personality and Social Psychology*, v. 90(4), pp. 529–542.
- Sokolova, Elena T. (2015) *Clinical Psychology of the Loss of "Self"*, Smysl, Moscow (in Russian).
- Stryker, Sheldon (2007) "Identity Theory and Personality Theory: Mutual Relevance", *Journal of Personality*, v. 75(6), pp. 1084–1101.
- Suh, Eunkook M. (2002) "Culture, Identity Consistency, and Subjective Well-being", *Journal of Personality and Social Psychology*, v. 83 pp. 1378–1391.
- Swann, William B., Gomez, Angel, Seyle D., Conor, Morales J., Francisco, Huici Carmen (2009) "Identity Fusion: the Interplay of Personal and Social Identities in Extreme Group Behavior", *Journal of Personality and Social Psychology*, v. 96(5), pp. 995–1011.
- Tkhostov, Alexander Sh., Rasskazova, Elena I. (2016) "Identification and Identity Fusion: Variants of Relationships Between 'Self' and Group in the Forming of Social Identity (in the Model of Family and Country)", *Psikhologiya i Psikhotekhnika*, № 3(90), pp. 233–242 (in Russian),
- van Zomeren, Martijn, Iyer, Aarti (2009) "Introduction to Social and Psychological Dynamics of Collective Action", *Journal of Social Issues*, v. 65(4), pp. 645–660.
- Voiskunskii, Alexandr E., Evdokimenko, Alexandr S., Fedunina, Natalia Yu. (2013) "Alternative Identity in the Social Networks", *Vestnik MGU. Seriya 14. Psikhologiya*, № 1, pp. 66–83 (in Russian).